

Д. В. Одинокова

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНФЛИКТА В ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

Конфликт в литературном произведении представляет собой ядро проблематики и движущую силу действия, задает развитие сюжета и определяет взаимоотношения в рамках системы образов. Анализ конфликта помогает исследователю выявить особенности идейной структуры, подчеркнуть своеобразие авторского замысла, более адекватно представить схему взаимоотношений персонажей. В самом простом варианте конфликт интерпретируется прежде всего как противостояние определенных сил, показанных в произведении, но, как правило, простая бинарная оппозиция, реализующаяся в прямом столкновении интересов, – явление достаточно редкое в литературе эпохи реализма. Конфликт в литературе XIX в. зримо усложняется и традиционно разворачивается сразу на нескольких уровнях. Драма А. С. Пушкина «Борис Годунов» – характерный пример произведения с усложненным конфликтом, анализ всех аспектов которого требует большого внимания и дает обширный материал для истолкования идейного содержания драмы в целом.

На первый взгляд противостояние, служащее движущей силой действия, можно обозначить как конфликт Бориса Годунова и Самозванца. Именно их борьба в исторической реальности представляла собой основную интригу начального периода Смуты. Однако Пушкин в своей драме зримо усложняет картину, приводя ее в соответствие с многоплановой и многоаспектной исторической действительностью. В конфликте драмы как значимая и влиятельная сила участвует третий персонаж – царевич Димитрий. При этом, если два других героя принимают непосредственное участие в происходящем, то Димитрий, погибший за семь лет до начала действия пьесы, представлен в ней только именем и функцией «царевича», «законного наследника престола».

Между тремя главными героями устанавливаются своеобразные взаимоотношения, оттеняющие характер каждого и помогающие раскрыть общий авторский замысел.

Согласно народным преданиям и свидетельствам летописцев Борис Годунов был виновен в трагической гибели малолетнего сына Иоанна Грозного. Однако не всеми историками данная точка зрения принята как бесспорно истинная: абсолютно достоверных свидетельств вины Годунова не сохранилось. Пушкин в своей драме, не касаясь вопроса о спорности данной версии событий, использовал точку зрения народа, которая определила судьбу Бориса: современники Годунова в большинстве своем считали его безусловно виновным. Соответственно в драме взаимоотношения Бориса и Димитрия определяются именно обстоятельствами соперничества и политического убийства. На внешнем, социальном уровне это противостояние преуспевшего и потерпевшего поражение в борьбе за власть противников, которое, однако, тут же оборачивается другой стороной: одержавший победу Борис в итоге проигрывает, а его оппонент побеждает в символическом плане, утверждаясь в любви народа.

Намек на соперничество именно такого рода встречается уже в первой сцене драмы, озаглавленной «Кремлевские палаты (1598 года. 20 февраля)». В сцене представлены обстоятельства, связанные с восхождением Бориса на престол. Бояре Шуйский и Воротынский, обсуждая нежелание Бориса принять венец, комментируют происходящее следующим образом:

Воротынский

...Что, ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?..

Шуйский

Скажу, что понапрасну
 Лилася кровь царевича-младенца;
 Что если так, Димитрий мог бы жить¹.

Пушкин хочет показать, что людям со стороны отчетливо видна взаимосвязь между воцарением Годунова и необходимостью устранения Димитрия как конкурента и, наоборот, отсутствие необходимости в насилии при отказе Бориса от власти.

В сцене пятой «Ночь. Келья в Чудовом монастыре (1603 года)» монах Пимен говорит о покойном царевиче: «...он был бы твой ровесник / И царствовал; но Бог судил иное» (С. 204). Димитрий характеризуется как прямой наследник престола, который должен был царствовать вслед за старшим братом Феодором, а Борис Годунов, как подразумевается, выступает в роли человека, изменившего судьбу царства и подменившего собой законного царя. При этом с самого начала Борис внешне преуспевает: в 1598 г. он добывается престола и все в один голос твердят о любви к нему народа. В сцене первой Воротынский констатирует:

А он умел и страхом и любовью
 И славою народ очаровать (С. 191).

В сцене второй («Красная площадь») показано народное моление в адрес Бориса: народ уговаривает правителя принять царский венец. В то же время уже в следующей, третьей сцене показаны обе стороны медали – народ на Девичьем поле кричит: «Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!» – но при этом некоторые, чтобы заплакать, прибегают ко всевозможным ухищрениям, так как искренних чувств не испытывают:

Один

...Заплачем, брат, и мы.

Другой

Я силюсь, брат,

Да не могу.

Первый

Я также. Нет ли луку?

Потрем глаза.

Второй

Нет, я слюней помажу (С. 195–196).

С течением времени настроение народа меняется еще больше, и на шестой год царствования Годунова картина совершенно иная: внешняя, «наносная» любовь окончательно исчезла, и Борис уже не питает никаких иллюзий относительно народной привязанности. В сцене седьмой «Царские палаты» Борис в своем монологе признает, что потерпел крах в попытках снискать народную любовь:

...Я думал свой народ
 В довольствии, во славе успокоить,
 Щедротами любовь его снискать –
 Но отложил пустое попеченье:
 Живая власть для черни ненавистна.
 Они любить умеют только мертвых
 (С. 208).

Упоминание любви к мертвым может быть отнесено в том числе и к царевичу, который постепенно вытесняет Годунова как объект любви из народных помыслов. В четвертой сцене монах Пимен как летописец, выражающий прежде всего точку зрения народа в целом, с пиететом отзывается о мертвых царях – предшественниках Годунова – Иоанне и Феодоре, не забывая упомянуть и Димитрия, причем со ссылкой на насильственный характер его смерти от рук Бориса:

Прогневали мы Бога, согрешили:
 Владыкою себе царевубийцу
 Мы нарекли (С. 203).

Далее примеры народной ненависти к Годунову только множатся. В доме Шуйского (сцена девятая «Москва. Дом Шуйского») ведутся крамольные разговоры: Афанасий Пушкин жалуется на многочисленные притеснения со стороны властей во время царствования Бориса («Ну, слыхано ль хоть при царе Иване / Такое зло? А легче ли народу?» (С. 223)), и Шуйский подтверждает, что «быть грозе великой», т. е. намекает на зреющее народное возмущение. В сцене семнадцатой «Площадь перед собором в Москве» еще один выразитель народных мыслей Юродивый прямо говорит Борису в лицо, что он «зарезал... маленького царевича». В сцене двадцатой «Москва, царские палаты», где представлена смерть Годунова, Борис вновь вспоминает о народной неприязни примерно в тех же выражениях, что и в сцене седьмой:

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 188. Далее все ссылки на текст драмы даются по этому изданию в основном тексте в круглых скобках.

Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже
(С. 269).

После смерти Бориса о нем не говорится ни одного доброго слова: его именуют «убийцей» и «злодеем» (см. последние две сцены драмы²).

Такой исход противостояния предопределен существовавшим на Руси особым пониманием роли монарха. Феномен восприятия царской власти, существовавший в России, подробно рассмотрен во многих исследовательских работах [Вальденберг, 1916; Дьяконов, 1889; Успенский, 1996. С. 142–166, 204–311; 1998]. Суть этого феномена заключается в том, что в России чрезвычайно большое значение придавалось именно законности воцарения монарха, причем законность не могла быть приобретена внешними способами. Права на престол даровались исключительно принадлежностью к царствующей династии. Никакие заслуги правителя не могли оправдать в глазах народа узурпацию власти, и, наоборот, любые злодеяния истинного царя принимались как должное, как его законное право. Примером именно такого подхода в пьесе оказывается противопоставление членов династии Рюриковичей, о которых сохраняется самая светлая память, и Бориса Годунова, чье происхождение его подводит. При этом Годунов делает для страны много полезного, а о Грозном царе вспоминают, как он своим жезлом подгрел угли под костры с казнимыми боярами. Но это не мешает называть Грозного «могущим Иоанном» и с пиететом относиться к его царствованию. Не случайно, принимая венец, Годунов в сцене четвертой пытается подчеркнуть именно свое наследственное право, преемственность власти:

Наследую могущим Иоаннам –
Наследую и ангелу-царю!.. (С. 197)

Дополнительную остроту столкновению двух противников, рассматриваемому как социальное явление, придает нравственная

оценка их деятельности со стороны народа. Поступки Бориса рассматриваются как глубоко безнравственные, что вызывает неприязнь народа к нему, а Дмитрий воспринимается как безгрешный ангел, прежде всего в силу своего малого возраста и насильственного характера мученической смерти. Подчеркивается, что Борис – «грешник», «грешный царь», «цареубийца», в облике же Дмитрия акцентируется невинность и беззащитность: «несчастный младенец», «убитое дитя». В сцене десятой «Царские палаты» Шуйский рассказывает Годунову о нетленности останков Дмитрия:

...Детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились
(С. 231).

В сцене пятнадцатой «Царская дума» патриарх сообщает о чудесах при гробе Дмитрия и о явленных некоему пастуху словах, сказанных детским голосом:

«Царевич я Дмитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец!» (С. 252)

Чисто социальный конфликт оттенен конфликтом нравственного характера – противостоянием грешного убийцы и безгрешной жертвы, столкновением греха и праведности. В плане психологии данный конфликт определяет преобладающий мотив вины, служащий движущей силой действия в целом и формирующий характер Годунова, а также задает внутреннее противоречие, показанное в пьесе, – столкновение соображений политической выгоды и совести, вызывающей к милосердию. Например, в своем знаменитом монологе в сцене «Царские палаты» Борис демонстрирует именно это внутреннее противоречие – на фоне достигнутого политического успеха он признается, что дух его далек от гармонии:

Ни власть, ни жизнь меня не веселят:
Предчувствую небесный гром и горе
(С. 208).

Конфликт между Годуновым и покойным царевичем, разворачивающийся одновременно в социальном и нравственном плане, на внешнем и внутреннем уровнях, в драме не единственный – он имеет параллельное

² В сцене двадцать второй «Лобное место» Гаврила Пушкин говорит: «Он [царевич. – Д. О.] шел казнить злодея своего» (С. 277). В сцене двадцать третьей «Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца» люди обсуждают участь детей Годунова в следующих выражениях: «Отец был злодей, а детки невинны» (С. 279).

измерение за счет того, что один из персонажей, вовлеченных в противостояние, в пьесе имеет «дублера». Личность царевича Димитрия в драме, как и в истории, была парадоксальным образом продублирована, причем в истории это произошло не однажды: количество самозванцев, присваивавших себе имя царевича, в период Смуты исчислялось даже не единицами, одновременно в разных концах страны появлялось до трех-четырёх претендентов на московский престол (см., например, [Платонов, 1923; Скрынников, 1990]).

В драме изображен единственный двойник Димитрия-царевича – Лжедмитрий, он же Григорий Отрепьев, один из самых известных самозванцев в русской истории. Отношения ложного Димитрия с Димитрием истинным строятся по принципу подмены: покойник отдает живому свое имя, Отрепьев его принимает, одновременно лишаясь возможности вернуться к своей привычной роли. Димитрий, таким образом, жертвует своим именем, но получает возможность преуспеть в «физическом облике» другого человека. Отрепьев также лишается имени и приобретает шанс на успех в чужом облике³. Действия каждого персонажа при обмене сходны – отказ от имени в обмен на успех, только Отрепьев сам выбирает такой поворот своей судьбы, а Димитрию выбирать не приходится.

Пушкин в своей драме преднамеренно акцентирует внимание, с одной стороны, на власти имени истинного царевича, а с другой – на процессе постепенной утраты Отрепьевым самобытного облика и полного перевоплощения его в «царевича»⁴. Имя Димитрия упоминается как объяснение успеха самозванца, который не обусловлен ни военным превосходством, ни продуманной стратегией захвата власти. О силе имени говорит Шуйский в сцене десятой «Царские палаты», объявляя Годунову о появлении в Польше Самозванца:

К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

³ О специфической природе самозванчества как социального и психологического явления см. [Турбин, 1968].

⁴ Об особенностях образа Лжедмитрия в трагедии Пушкина см. [Одинокова, 2005].

Далее в той же сцене сам Годунов повторяет данную формулировку:

Кто на меня? Пустое имя, тень...

В сцене пятнадцатой патриарх разоблачает Отрепьева:

Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился...

Таким образом, мы видим, что в данном случае Пушкин отразил в несколько ином свете уже упоминавшуюся концепцию истинного и неистинного царя: даже имя истинного монарха на Руси традиционно имело сакральный оттенок и в представлении народа наделялось особыми возможностями.

Итак, на внешнем уровне столкновение Годунова и Лжедмитрия полностью повторяет линию Годунов – царевич: это борьба за престол политических соперников, один из которых терпит поражение, а другой одерживает победу, это противостояние истинного царя и неистинного. Различие по сравнению с предыдущей парой (Годунов – Димитрий) заключается в том, что здесь Самозванец изначально преуспевает, а у Годунова нет никаких шансов, и он постепенно, но верно сдает свои позиции. При зеркальном воспроизведении основного конфликта Борис из положения победителя переместился на позицию побежденного.

Однако за внешним сходством Димитрия и Лжедмитрия скрывается внутренняя несхожесть. Более того, в результате Самозванец оказывается двойником не царевича, а Бориса Годунова. Взаимоотношения Бориса и Самозванца изначально основаны на соперничестве между Борисом и сыном Иоанна Грозного. Заняв место царевича, Отрепьев автоматически стал соперником Бориса. Но внешнее противостояние Годунова и Отрепьева на самом деле подразумевает глубинное сходство, задуманное автором как многозначительная параллель на характерологическом и сюжетном уровнях. Исследователями неоднократно отмечалось [Турбин, 1968], что оба персонажа одинаково стремятся к власти, одинаково приходят к ней – через преступление (Борис виновен в устранении Димитрия, Самозванец – в устранении сына Годунова Феодора), и обоих после первоначального успеха и народной любви ждет крушение и трагическая гибель.

Подводя итог, можно констатировать, что при рассмотрении конфликта в драме «Борис Годунов» выявляются не два, как обычно, а три задействованных в конфликте персонажа, два из которых находятся в своеобразных отношениях «дублирования» (Самозванец и Димитрий). При этом отношения между центральным героем, именем которого названа драма, и двумя другими участниками конфликта выглядят идентичными – это отношения соперничества, борьбы за власть. Однако по линии Борис – Димитрий мы наблюдаем успешный захват власти Годуновым при постепенно утврждающемся моральном превосходстве царевича, а по линии Борис – Самозванец – захват власти Самозванцем и соответственно проигрыш Бориса. Можно сказать, что Самозванец берет своеобразный реванш за поражение своего двойника – истинного царевича. Ситуация осложняется тем обстоятельством, что Самозванец в какой-то момент оборачивается двойником не Димитрия-царевича, а Бориса Годунова, повторяя его характер и судьбу. Такое построение конфликта, в котором пересекаются категории морально-этические и социально-политические и отношения героев строятся по необычным схемам, отражает сложность идейного замысла произведения, задуманного как воссоздание исторической реальности эпохи Смуты во всей ее полноте.

Список литературы

Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерк русской политической истории от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.

Дьяконов М. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до к. XVI века. СПб., 1889.

Одинокова Д. В. Функция образа Самозванца в мотивной структуре драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4, вып. 4. С. 106–112.

Платонов С. Ф. Смутное время. Пг., 1923.

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990.

Турбин В. Н. Характеры самозванцев в творчестве А. С. Пушкина // Филол. науки. 1968. № 6. С. 91.

Успенский Б. А. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Избр. тр. М., 1996. Т. 1. С. 204–311.

Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избр. тр. М., 1996. Т. 1. С. 142–166.